

ГАСТРОЛИ ОМСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

КАЖДЫЙ РАЗ — ОТКРЫТИЕ

На III Всероссийском фестивале национальной драматургии и театрального искусства народов СССР, проходившем в прошлом году, высокую оценку получила работа народного артиста РСФСР Ножери Чонишвили в спектакле «Пока арба не перевернулась» О. Иоселиани.

Народный артист СССР Герой Социалистического Труда Юрий Толубеев так отзывался об актере: «Н. Чонишвили в роли Агабо — одна из актерских удач фестиваля. Он играет немного чудаковатого старика, за прищуром глаз которого трудно распознать, что он выкинет в следующий момент. И всякий раз мы чувствуем напряженное внимание, с каким следит: откликнутся ли дети на зов земли, взволнует ли их возвращение к родному очагу. И когда в конце концов убеждается, что сердца его детей остались глухими ко всему, что связывало их с этим домашним миром, кажется, Агабо стареет, плечи его сутулятся, а на глазах наворачиваются слезы. И вот веселая комедия вдруг приостанавливает свой бег, а потом и вовсе словно бы застывает в задумчивости, заставляя размышлять о прошедшем и нас».

По мнению самого Чонишвили, в этом спектакле, конечно, нет прямой агитации людей возвратиться из города в село. О другом более важном, философски глубоко хотелось сказать его создателям. О том, что человек, забывший землю, где родился, традиции, созданные веками, многое теряет. Хотя то, что сегодня происходит в Грузии и о чем писал Иоселиани, поистине драматично: целые селения оставляются жителями, уезжающими в город, а вокруг — земля, и она могла бы плодоносить, дарить свои богатства человеку.

У Ножери Давидовича два родных языка: грузинский, тот, на котором в детстве ему рассказывали сказки и который всегда звучал вокруг него, и русский, без которого он не мыслит своей работы на сцене.

Серьезно он начал работать в театре еще в 50-х годах, в Тбилиском ТЮЗе, театре, который был поистине новым и необычным явлением.

С этим временем было связано немало тревог и волнений. Поток хлынули роли. Ричард — в «Ученике дьявола» Шоу, Фернандо — в «Испанцах» Лермонтова, Тихон — в «Грозе», Юсов — в «Доходном месте», Елеська — в спектакле «Не было ни гроша, да вдруг алтын» А. Островского. Розовские пьесы... Сказки... Кстати, до сих пор Чонишвили очень ценит сказки и молодежи советует не пренебрегать этим материалом, потому что он позволяет актеру раскрепостить себя, развивает фантазию. Тбилисский ТЮЗ стал школой поиска характеров самого широчайшего диапазона. Актер начинал верить в себя, воспитывал в себе способность мгновенно переключаться из одного состояния в другое, обретал волю, твердость характера — качества, необходимые для этой профессии. Наметились и ощутимые результаты — к примеру, за созданный образ Маресьева он был удостоен звания лауреата Всесоюзного смотря театральных коллективов, посвященного 40-летию Октября. Но пришло время, когда все же актер перерос ТЮЗ и вынужден был перейти в драматический театр. Это был театр Тулы.

Новые роли. Мортимер в «Марии Стюарт» Шиллера, Шоу в «Милом лжеце» Килти, Петруччио в «Укрощении строптивой» Шекспира, Яков в горьковских «Последних», Филька-анархист в «Интервенции» Славина... И в Тульском драматическом актерская судьба Чонишвили складывалась счастливо — он не замкнулся в рамках одного амплуа, что, по существу, определило и весь дальнейший путь.

А в 1966 году Чонишвили стал артистом Омского дра-

матического. За два года он сыграл вспыльчивого и наивного Вытягайченко из Бабелевской «Конармии», мрачного, подозрительного, не верящего людям Кныша из «Директора» Нагибина, полубезумного от ужасов фашизма, но не сдавшегося фотографу в «Ночной повести» Хоиньски.

Потом произошла встреча с Я. М. Киржнером, возглавлявшим Омский драматический почти десятилетие. Этот режиссер, для которого непрерывным условием творчества были значительность характеров, полнокровность, емкость создаваемых на сцене образов, их многозначность, бесконечно поверил в актера.

— Творческая жизнь не равноценна, — говорит Чонишвили. — Вначале артист играет все подряд, набирает опыт, техническое мастерство. Потом пытается проникнуть в сущность характеров. И лишь когда возникает желание самовыявления, он не гонится за репертуарным списком, для него важнее — не повторяться, сделать каждый раз открытие. Тогда он начинает искать подступы к работе, о которой мечтает. Так было у меня с Сирано де Бержераком. Актеров в этой роли я тогда еще не видел, но пьесу хорошо знал. Лет двадцать мечтал об этой роли и поэтому образ в моем представлении менялся вместе со мной. И когда играл Сирано в Омске, мне хотелось сказать людям: верьте в себя, показать не героический символ, а человека.

Сирано де Бержерак сразу же завоевал зрительскую любовь. Те, кому удалось увидеть эту работу, навсегда будут бережно хранить в своей памяти образ благородного героя, трагически прекрасного, как солдат, умирающий со шпагой в руках, которому «сто крат милей всех этих подлых благ — мои пустые бредни».

Пожалуй, именно после этого о Чонишвили заговорили, как о большом актере, которому по плечу создание столь масштабного и многозначного характера, о том, что он в заглавной роли покоряет силой страсти, открытой эмоциональностью, поэтичностью чувств. И именно этот спектакль стал той ступенькой, после которой и драматический театр в целом утвердил главное направление своих художественных поисков — стремление к созданию героического, многогранного характера. Эта прекрасная роль стала принципиальной и для актера, который сумел выразить в ней главную идею своего творчества: настойчивое требование счастья для всех, кто заслужил его.

Такой лейтмотив звучал во многих работах актера. Он был заметен и в его Вытягайченко, и в Виле Озаровском, деликатном и мягком человеке из спектакля «Ночь без звезд» Штейна, и в «Призраках» Э. де Филиппо, где Чонишвили играл роль Паскуале Лойконо, тщетно ищущего добра и справедливости в жестоком капиталистическом мире. Пронзительно звучит это и в спектакле «Пока арба не перевернулась», когда старый Агабо навеки прощается с тем, во что верил, ради чего жил.

Чонишвили — артист неожиданный. Прочтя в программе его фамилию, зрители заранее предвкушают радость от предстоящей встречи. Доставляет удовольствие следить за его игрой. Между ним и воплощаемым образом всегда остается какая-то неуловимая дистанция, ощущается стоящий за ролью художник, его умный, иронический и хитрый «глазок». Чем больше зритель увлекается ролью, тем больше подчиняется отношению актера к ней. Это двойное ощущение «правды образа» и «правды актера» волнует, захватывает, очаровывает.

Гете когда-то писал о том, что содержание искусства доступно всем, а форма остается тайной для большинства — ею владеют лишь художники.

Этой тайной в совершенстве владеет Чонишвили. Уловив две-три особенности в поведении своего персонажа, он может прийти к характеру, созданному на грани эксцентрической техники. Так он играл своего экзотического ортодокса Айзатуллина, «болеющего» за репутацию стройки, шумного, несдержанного, хитрого и смешного, в спектакле «Протокол одного заседания» Гельмана. Приемы гротеска использовались и в «Мсье Топазе» Паньоля в роли «крупного дельца» Кастель-Бенака: суетного, словно лоснящегося, получающего удовольствие от афер.

— Чонишвили всегда предлагает острый и яркий рисунок роли, и пребывание с ним на сцене во многом сходно с увлекательной игрой в шахматы, — замечает заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР Т. Ожигова. — Тебе предлагают неожиданный ход — и требуется его разрешение. С Ножери Давидовичем легко работать: он полон доброжелательности к своему партнеру по сцене и в процессе репетиций, и в период жизни спектакля.

На этих гастролях вместе с Т. Ожиговой Чонишвили играет в «Царской охоте» Зорина. Его Алексей Орлов, очень сложный и противоречивый человек, выполняет приказ Екатерины II, похищая княжну Тараканову, претендентку на царский престол.

Вообще гастроли этого года позволяют зрителям познать Чонишвили со многих сторон.

В спектакле «Добежать, отдышаться...» Чебалина, поставленном главным режиссером театра, заслуженным деятелем искусств РСФСР А. Хайкиным, зрители увидят Чонишвили в центральной роли Рыбалко, директора рыболовецкого совхоза в Заполярье. В исполнении актера Рыбалко — человек яростного темперамента, целеустремленный, действенный, для него высшей целью является людское благо, изменение сурового быта Севера.

Эксцентрической техникой доставит удовольствие актер тем зрителям, кто придет смотреть «Династию», комедию венгерского драматурга Дярфаша. Неожиданен и его поп в «Беседах при ясной луне» Шукшина, поп-философ и скептик, признающий лишь одного бога — жизнь. В спектаклях «Третье поколение» Мирошниченко и «Дон Хиль Зеленые Штаны» испанского драматурга Т. де Молины мастер омской сцены, играя небольшие по объему роли, помогает ансамблю актеров среднего и молодого поколения.

Если артист в совершенстве владеет своей профессией и является личностью в творчестве, его искусство воздействует на зрителей не только того города, где он работает, но и становится известным далеко за его пределами. Чонишвили относится именно к таким актерам.

С. ЯНЕВСКАЯ,

На снимках: сцена из спектакля «Царская охота». Елизавета — заслуженная артистка РСФСР лауреат Государственной премии РСФСР Т. Ожигова; граф Орлов — народный артист РСФСР Н. Чонишвили.

109